

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

СОВЕТ
БЕЗОПАСНОСТИ

Distr.
GENERAL

A/36/448
S/14640

26 August 1981

RUSSIAN

ORIGINAL: ENGLISH/FRENCH

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
Тридцать шестая сессия
Пункт 93 предварительной
повестки дня*
ВОПРОС О ВОСТОЧНОМ ТИМОРЕ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ
Тридцать шестой год

Вербальная нота Постоянного представителя Островов
Зеленого Мыса при Организации Объединенных Наций на
имя Генерального секретаря от 11 августа 1981 года

Постоянный представитель Республики Острова Зеленого Мыса при Организации Объединенных Наций свидетельствует свое уважение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций и имеет честь просить распространить приложенный документ Постоянного трибунала народов в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи по пункту 93 предварительной повестки дня и Совета Безопасности.

Ввиду значения этого документа было бы желательно опубликовать его как можно скорее.

* A/36/150.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сессия Постоянного трибунала народов по вопросу о
Восточном Тиморе

Лиссабон, 19-21 июня 1981 года

Председатель: Франсуа Риго, профессор частного международного права Лованского католического университета (Бельгия)

Заместитель председателя: Руфь Фэрст, писательница, научный сотрудник Университета им. Эдуарду Мондлане в Мапуту, находится в политической ссылке (Южная Африка)

Заместитель председателя: Армандо Урибе, бывший посол, профессор международного права в Сорбонне, находится в политической ссылке (Чили)

Рихард Баумлин, профессор конституционного права Бернского университета, член парламента (Швейцария)

Хосе Эчиверрия, профессор философии Университета Пуэрто-Рико и профессор права Межамериканского университета, находится в политической ссылке (Чили)

Эдмонд Жув, профессор кафедры международных отношений в третьем мире, Сорбонна (Франция)

Лео Матарассо, адвокат Парижского суда (Франция)

Раймундо Паниккар, специалист по восточным религиям, профессор Университета Санта-Барбары, Калифорния (Индия)

Сальваторе Сенесе, судья, член Верховного совета магистратуры (Италия)

Эрнст Утрехт, бывший член парламента, социолог (Индонезия)

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<u>Стр.</u>
Справочные тексты, свидетельства, доклады и документация	4
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	9
ДОВОДЫ	II
I. <u>Позиция правительства Индонезии</u>	II
A. <u>Фактическая сторона вопроса</u>	II
B. <u>Правовая сторона вопроса</u>	I8
1. <u>Опровержение доводов, приведенных для оправдания присутствия индонезийских войск</u>	I8
a) Историческая связь	I8
b) Уважение границ, существовавших в колониальный период	I8
c) Односторонние заявления, сделанные правительством Индонезии	I9
d) Вмешательство с целью восстановления мира и безопасности в восточной части острова Тимор	2I
e) Нежизнеспособность Демократической Республики Восточный Тимор	
f) Осуществление права на самоопределение путем присоединения к Индонезии	23
2. <u>Определение индонезийской агрессии</u>	24
3. <u>О нарушениях законов ведения войны и геноциде</u>	25
a) О ведении войны	25
b) Об управлении оккупированными территориями	25
c) О геноциде	27
II. <u>О позиции других правительств</u>	28
A. <u>Правительство Соединенных Штатов</u>	28
1. Общие соображения	28
2. Усиление двусторонних связей	29
3. Расширение военной помощи	29

ОГЛАВЛЕНИЕ (продолжение)

	<u>Стр.</u>
4. Дипломатическая поддержка и пропаганда в пользу Индонезии	30
5. Доводы, приведенные Соединенными Штатами в обоснование поддержки агрессии Индонезии	32
В. <u>Правительство Австралии</u>	34
С. <u>Правительства, входящие в МПГИ</u>	34
Д. <u>Правительство Португалии</u>	36
ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ	36

ПОСТОЯННЫЙ ТРИБУНАЛ НАРОДОВ,

проведя заседания в Лиссабоне 19, 20 и 21 июня 1981 года,

принимая во внимание Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года,

принимая во внимание закон № 10 от 20 декабря 1945 года, учреждающий Нюрнбергский международный военный трибунал,

принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 года,

принимая во внимание Декларацию 1514 (XV) о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 года,

принимая во внимание Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 года,

принимая во внимание определение агрессии, принятое Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 24 декабря 1974 года,

принимая во внимание принципы мирного сосуществования, принятые в Бандунге (Индонезия) 24 апреля 1955 года,

принимая во внимание резолюции совещаний глав государств и правительств неприсоединившихся стран, в частности совещаний в Коломбо (29 августа 1976 года) и Гаване (1979 год),

принимая во внимание Гаагские конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 годов,

принимая во внимание Женевские конвенции от 12 августа 1949 года,

принимая во внимание Дополнительные протоколы 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года,

принимая во внимание резолюцию 3485 (XXX) по вопросу о Тиморе, принятую Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 12 декабря 1975 года,

принимая во внимание резолюцию 384 (1975), принятую Советом Безопасности Организации Объединенных Наций 22 декабря 1975 года,

принимая во внимание резолюцию 389 (1976), принятую Советом Безопасности Организации Объединенных Наций 22 апреля 1976 года,

принимая во внимание резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций I декабря 1976 года, 28 ноября 1977 года, 13 декабря 1978 года, 21 ноября 1979 года и II ноября 1980 года,

принимая во внимание закон № 7/75, одобренный Революционным советом и промульжированный II июля 1975 года президентом Португальской Республики,

принимая во внимание Конституцию Португальской Республики от 2 апреля 1976 года (и в особенности статью 307 этой Конституции),

принимая во внимание Декларацию от 28 ноября 1975 года о провозглашении с 28 ноября 1975 года независимости Демократической Республики Восточный Тимор,

принимая во внимание программу ФРЕТИЛИН'а на 1975 год,

принимая во внимание Всеобщую декларацию прав народов, принятую в Алжире 4 июля 1976 года,

принимая во внимание приговоры, вынесенные Трибуналом Руссель I (1967 год) и Руссель II (1974, 1975 и 1976 годы),

принимая во внимание Статут Постоянного трибунала народов и приговоры, вынесенные Трибуналом (1979-1981 годы),

принимая во внимание многочисленные письменные документы и фотографии, представленные членам Трибунала, и, в частности, документ № 7 от августа 1976 года о "деколонизации", издании Департамента по политическим вопросам, опеке и деколонизации Организации Объединенных Наций, посвященный Восточному Тимору, а также следующие документы, опубликованные правительством Индонезии:

- "Заявления правительства по вопросу о Восточном Тиморе", февраль 1975 года
- "Геноцид в Восточном Тиморе", март 1976 года
- "Процесс деколонизации в Восточном Тиморе", август 1976 года
- "Деколонизация Восточного Тимора", август 1976 года
- "Деколонизация в Восточном Тиморе", март 1977 года
- "Провинция Восточный Тимор, процесс развития", август 1980 года,

заслушав:

- вступительное слово Руфь Фарст, заместителя председателя Постоянного трибунала народов,

/...

- письменное прошение ФРЕТИЛИН'а, направленное Постоянному трибуналу народов; письмо на имя Его Превосходительства Премьер-министра Португалии от 8 мая 1981 года, письмо на имя Его Превосходительства Президента Республики Индонезия от 15 мая 1981 года, зачитанные Джанни Тоньони, генеральным секретарем Постоянного трибунала народов,
 - вступительный доклад Координатора текущей сессии Трибунала Луиша Мойты, руководителя Центра информации и документации им. Амилькара Кабрала (ЦИДАК), Лиссабон,
- заслушав доклады и выступления:
- Фернанду Сильвана, Председателя Общества португальского языка;
 - Абилию Араужо, члена Центрального комитета ФРЕТИЛИН'а и государственного министра экономики Демократической Республики Восточный Тимор;
 - Мари Алкатири, члена Центрального Комитета ФРЕТИЛИН'а и министра иностранных дел Демократической Республики Восточный Тимор;
 - Кена Фрая, члена австралийского парламента (палата представителей);
 - Аделину Гомеша, португальского журналиста;
 - Джилл Джолифф, австралийской журналистки;
 - Джима Дж. Дана, дипломата, бывшего консула в Дили, бывшего руководителя группы по иностранным делам департамента исследований австралийского парламента;
 - Р.П. Леонетту до Регу, португальского миссионера;
 - Луиша Мойты, зачитавшего сообщение, адресованное Трибуналу двумя беженцами, не представленными из соображений безопасности;
 - Бруно Писточи, гражданина Италии, бывшего миссионера-салезьенца, проживавшего на Тиморе;
 - Р.П. Пата Уолша, гражданина Австралии, миссионера ордена Сердца господнего;
 - Майкла Чемберлена, гражданина США, координатора по вопросам прав человека церковных и светских организаций города Нью-Йорка, изложившего тезисы правительства Индонезии;

- Лоффа Баретто, гражданина Португалии, адвоката;
- Мишеля Робера, гражданина Франции, ассистента Парижского университета I (Пантеон-Сорбонна), президента Ассоциации солидарности с Восточным Тимором;
- Бернара Дьюи, гражданина Бельгии, члена брюссельской адвокатуры;
- Роберта ван Лиеропа, юриста, гражданина США;
- Ричарда Франке, гражданина США, антрополога;
- У.Ф. Вэртхейма, гражданина Нидерландов, бывшего профессора социологии Амстердамского университета;
- Хаджара Юсфуйика, гражданина Индонезии, журналиста;
- Соайя Лионга Лиема, гражданина Индонезии, научного работника Королевского тропического института;

заслушав заявления:

- Диогенеша Боавиды, министра юстиции Народной Республики Ангола;
- Селестино да Косты, министра юстиции Республики Сан-Томе и Принсипи;
- Круша Пинту, государственного министра, члена Революционного совета Гвинеи-Бисау;
- Исаака Мураржи, посла, главы делегации Мозамбика, представителя ФРЕЛИМО;
- Альвару Висенте Сильва, дипломата, представителя правительства Островов Зеленого Мыса;

заслушав оставшееся без ответа обращение Раймунду Паникарра к Постоянному трибуналу народов, в котором спрашивалось, имеются ли среди присутствующих лица, желающие выступить в защиту позиции Индонезии,

заслушав заключительные замечания Председателя Постоянного трибунала народов Франсуа Риго,

ознакомившись со следующими текстами, представленными Трибуналу:

- "Новости и последние сведения о Восточном Тиморе" (текст, подготовленный Группой по иностранным делам австралийского парламента и опубликованный 8 марта 1979 года),
- "Положение в Восточном Тиморе (очерк о беседах с тиморскими беженцами в Португалии, Дж.С. Дан, Канберра, 11 февраля 1977 года),
- Справка о Восточном Тиморе, предназначенная для Международного комитета Красного Креста (документ, подготовленный организацией "За мировое развитие" в сентябре 1979 года),
- "Петиция в отношении Восточного Тимора, представленная Четвертому комитету Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций" профессором Роджером Дж. Кларком, от имени Международной лиги прав человека, 14 октября 1980 года,
- "Заметки о Восточном Тиморе на основе поездки международной группы - 7.6.80-18.8.80", Пат Уолш, конец 1980 года,
- "Отчет о посещении сенатором Гьетзельтом и К.Л. Фраем португальского Восточного Тимора, 16-18 сентября 1975 года".

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Восточный Тимор - это территория общей площадью около 19 000 кв. км, расположенная на восточной окраине Зондского архипелага. Несколько лет тому назад численность населения этой территории оценивалась в 700 000 человек. С этнической точки зрения это прото-малайцы и меланезийцы.

Согласно имеющимся о доколониальном периоде сведениям, этот географический район, расположенный на востоке от островов Целебес и Ломбок, находился под господством яванских империй, период расцвета которых можно отнести к VIII-XII векам. Однако эти империи не оказывали культурного или религиозного воздействия на Тимор. Фактически, в начале нашей эры в этот район проникла индусская культура, а в XV веке в этом районе распространился ислам, но тиморцы остаются анимистами.

Территория этого острова была разделена между несколькими королевствами, которые зачастую вступали в борьбу за господство. К XVI веку, после распада яванских империй, территория была разделена на две группы королевств: одна группа находилась под владычеством королевства Сомбай в западной части острова; а другая - под господством королевства Бехале в восточной части. Эта последняя группа уже в тот период говорила на общем языке тетум, ставшим в настоящее время национальным языком Восточного Тимора.

К 1515 году на остров Тимор прибыла первая группа миссионеров-доминиканцев из Португалии, что привнесло первые признаки колониального господства. Этот факт явился определяющим для последующей конфронтации между христианством и распространяющейся в этом районе исламской религией, причем христианство действовало как элемент португальского господства.

Политическое и военное присутствие Португалии на Тиморе, несмотря на постоянную оппозицию со стороны многих королевств, соперничество между которыми использовали колониальные силы, усиливалось лишь после 1640 года. Между тем, голландцы вытеснили португальцев с остальных соседних островов и захватили западную часть Тимора (находящуюся под господством королевства Сомбай). Опасаясь нападения со стороны голландцев, португальцы перенесли свою столицу из Лиѳана (Оэ-Кусс) в Дили, и таким образом население Оэ-Кусса, никогда не признававшее голландского господства, осталось привязанным к "португальскому Тимору".

/...

Более трех столетий Португалия держала Восточный Тимор под своим колониальным господством. Против этого гнета поднимались многочисленные локальные восстания, последнее из которых произошло в 1910 году, и в результате колониальных репрессий погибло более 3 000 жителей Тимора.

В 1859 году Португалия подписала с Нидерландами договор, в котором была определена граница между голландским Тимором и португальским Тимором, причем первый из них, оставаясь в составе голландской колонии Восточной Индии, вошел после независимости в 1945 году в состав Республики Индонезия. В свою очередь в 1951 году португальская колония Тимор стала "заморской провинцией" Португалии, а затем, в 1972 году - "автономной областью Португальской Республики".

Все эти исторические, социальные, культурные и религиозные факторы, подкрепленные диалектикой борьбы с колониальным господством, способствовали, таким образом, формированию у народа Восточного Тимора такого единого сознания, что в настоящее время можно говорить о подлинном национальном объединении и о настоящей культурной самобытности, и особенно важно, что они не противоречат соблюдению местных культурных традиций.

ДОВОДЫ

I. ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИНДОНЕЗИИ

A. Фактическая сторона вопроса

25 апреля 1974 года военные свергли в Португалии диктатуру. Определяющую роль в падении этого режима сыграла борьба за колониальное освобождение. Развернувшееся в то время в Португалии народное движение содействовало официальному признанию 27 июля 1974 года президентом Республики права колониальных народов на самоопределение и независимость.

Эти события открыли путь для подъема политической активности в Восточном Тиморе и прямому проявлению тиморского национализма. В отношении будущего народа местные социально-политические силы группировались вокруг трех основных позиций: поддерживаемое Джакартой незначительное меньшинство выступало за слияние с Индонезией (АПОДЕТИ); другое течение (УДТ), в котором преобладала знать, связанная с колониальным режимом, не имело четкой позиции, выступая вначале за зависимость от Португалии, а затем за отсрочку получения независимости и в конечном счете — за присоединение к Индонезии; **третья** сила стояла на позиции национализма (сначала АСДТ, а затем ФРЕТИЛИН).

В отношении этих политических течений Португалия решила провести переговоры с целью передачи власти народу Тимора: в законе от 11 июля 1975 года был определен период, в течение которого территория Восточного Тимора должна была находиться под суверенитетом и управлением Португалии, а также формы осуществления права на самоопределение: в соответствии со статьей 2 этого закона и принципом суверенитета народа, португальское государство возложило ответственность за определение политического будущего нации на народное собрание, представляющее население этой территории.

Однако некоторые обстоятельства помешали претворению в жизнь этого плана деколонизации. С одной стороны, разнородность власти в Португалии, сложность проблем, вставших в тот период перед португальскими руководителями и отсутствие средств для вмешательства, не позволяли Португалии проводить целенаправленную и твердую политику с целью обеспечения эффективного осуществления права тиморского народа на самоопределение.

Кроме того, события в Восточном Тиморе приняли решительный оборот: 11 августа 1975 года при поддержке нескольких португальских офицеров и местной полиции произошел государственный переворот, которым руководил УДТ, находившийся в период с января по май 1975 года вместе с ФРЕТИЛИНОМ в коалиции, расторгнутой в одностороннем порядке УДТ под давлением Джакарты. В ответ на этот шаг консервативных кругов ФРЕТИЛИН незамедлительно предпринял ответные действия, которые были поддержаны большинством народа, и к нему присоединились военные формирования местной армии. Разразился вооруженный конфликт, в результате которого погибло около 3 тысяч человек.

В скором времени ФРЕТИЛИН добился политического и военного превосходства и поддержки масс. К концу августа ФРЕТИЛИН осуществлял контроль почти над всей территорией. Руководители УДТ либо бежали, либо находились в тюрьме. Утратив контроль над положением, португальский губернатор бежал на небольшой остров Атауро.

В создавшейся таким образом ситуации власти де-юре противопоставлялась власть де-факто. Португальский флаг все еще развевался над правительственным дворцом, ФРЕТИЛИН по-прежнему признавал португальскую администрацию и неоднократно предлагал Лиссабону провести переговоры, которые, вопреки обещаниям, так и не состоялись. Реальная власть перешла в руки ФРЕТИЛИНА, который управлял территорией и приступил к осуществлению социальных реформ. Многочисленные иностранцы, посещавшие эту страну, являются свидетелями того, что ФРЕТИЛИН в самом деле пользуется поддержкой народа. Мир нарушали лишь пограничные инциденты, провоцируемые индонезийской армией и некоторыми беженцами, находящимися в Западном Тиморе.

Эти инциденты приобретали все более опасный характер. Они включали обстрел городов Малиана и Балибо тяжелой артиллерией, что говорило о намерении Индонезии развязать в соответствии с планом, разработанным несколько месяцев тому назад, вооруженную агрессию против территории Восточного Тимора. Учитывая опасность неминуемого чужеземного вторжения, беспомощность властей Лиссабона и политический вакуум, возникший вследствие несостоятельности колониальной администрации, ФРЕТИЛИН, принимая во внимание эффективно осуществляемую власть и ее законный характер, о чем свидетельствовала поддержка народа, принял решение провозгласить независимость в одностороннем порядке.

Таким образом, 28 ноября 1975 года образовалась Демократическая Республика Восточный Тимор, имеющая конституцию, президента республики, правительство, политическую программу и военную власть и явившаяся организационным проявлением стремления широких масс к независимости.

В скором времени Демократическая Республика Восточный Тимор была признана 12 государствами, в том числе бывшими португальскими колониями в Африке, а затем еще двумя государствами. Португалия нового государства не признала.

После провозглашения Демократической Республики Восточный Тимор 29 ноября была принята декларация коалиции партий, находящихся в оппозиции по отношению к ФРЕТИЛИНУ, в соответствии с которой действия последнего положили конец господству Португалии над Тимором. Эти партии, которые действовали за пределами территории Восточного Тимора и которым оказывала поддержку только Индонезия, заявили о присоединении Восточного Тимора к территории Индонезии. Португалия не признала эту несостоятельную декларацию о присоединении.

7 декабря индонезийские вооруженные силы вторглись в Демократическую Республику Восточный Тимор. В тот же день Португалия разорвала дипломатические отношения с Индонезией, квалифицировав вторжение этой страны как "акт агрессии".

17 декабря в Дили было создано "временное правительство" в составе представителей УДТ, АПОДЕТИ, КОТА, ТРАБАЛХИСТА.

Индонезийским войскам пришлось столкнуться с неожиданным сопротивлением. 8 января 1976 года официальное информационное агентство Индонезии АНТАРА признало, что "временное правительство" контролирует только треть территории Восточного Тимора. Индонезийская агрессия явилась причиной гибели многих людей. Согласно независимым и непредвзятым источникам, в результате ее погибло и пропало без вести около 200 000 человек. Это физическое истребление тиморского народа удваивалось желанием уничтожить его культурные ценности. Таким образом, также как и во времена португальской колонизации, было запрещено преподавание языка тетум и была предпринята попытка навязать ислам народу, состоявшему в своем большинстве из анимистов и христиан.

31 мая 1976 года "временное правительство" создало "Представительное народное собрание" в составе 28 членов. Это "собрание" направило президенту Сухарто петицию о присоединении Восточного Тимора к Индонезии.

17 июля 1976 года индонезийский парламент единогласно принял "закон о присоединении" Восточного Тимора к Республике Индонезии, в соответствии с которым эта территория становилась 27-й провинцией Индонезии.

Таким образом, имела место агрессия, которую решительно осудили в своих резолюциях 3485 (XXX) от 12 декабря 1975 года и 384 (1975) от 22 декабря 1975 года Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности. Осуждение этой агрессии еще сильнее прозвучало в резолюции 389 (1976), принятой Советом Безопасности 22 апреля 1976 года, и в резолюциях, принятых Генеральной Ассамблеей 1 декабря 1976 года, 28 ноября 1977 года, 13 декабря 1978 года, 21 ноября 1979 года и 11 ноября 1980 года.

После осенних пограничных столкновений с войсками ФРЕТИЛИНА 7 декабря 1975 года, через несколько недель после провозглашения независимости, правительство Индонезии начало массированное вторжение, совершив нападение на Дили, а затем на Боко.

Вопреки систематическим попыткам индонезийцев замолчать происходящее в Восточном Тиморе (в этом отношении следует отметить, с одной стороны, убийство пяти австралийских журналистов уже в октябре 1975 года, а с другой стороны, то, что представитель МККК не допускался на остров до лета 1979 года и с того времени его деятельность носила весьма ограниченный характер и, в частности, не включала контроля за соблюдением норм военного права) все поступающие сведения свидетельствуют о зверствах, имевших место в начальный период военных действий и продолжавшихся как в отношении комбатантов, так и в отношении гражданского населения.

Так, высадившись утром 7 декабря в Дили, индонезийские солдаты начали расстреливать гражданских лиц, не оказывавших ни малейшего сопротивления.

В девять часов следующего дня более 27 человек, большинство которых были женщины, было расстрелено на набережной Дили в присутствии многочисленной толпы, которую заставили считать число жертв. В 2 часа дня на том же месте было расстрелено 59 человек.

Одновременно в Дили недалеко от бывшей штаб-квартиры военной полиции было расстрелено 30 китайцев. Согласно многочисленным свидетельствам тогда же было расстрелено очень много китайцев.

Население подвергалось жестокому обращению и после вторжения. Так, 17 августа 1977 года несколько человек было расстрелено за отказ от участия в манифестации по случаю индонезийского национального праздника.

Установлено, что со времени своего вторжения индонезийские войска не переставали нагнетать обстановку страха и всеобщей опасности, осуществляли расправы без суда и следствия и произвольные аресты.

Было установлено также, что индонезийские войска систематически казнят военнопленных. Этот факт также был подтвержден МККК, который сообщила в сентябре 1979 года, что "... в ходе 1976-79 годов был получен целый ряд сообщений (в которых, среди прочего, сообщается о пытках и о "промывании мозгов"), которых вполне достаточно для подтверждения фактов нарушения Женевских конвенций и доказательства того, что они не соблюдаются" и, далее: "В целом представляется, что руководители ФРЕТИЛИН и их родственники (до третьего

поколения, судя по содержанию доклада), являющиеся образованными и здоровыми людьми, которые спустились с гор для того, чтобы сдать, а также представители элиты были уничтожены (однако из этого имеются исключения)".

В докладе МККК приводится случай казни одной тиморской семьи в июле 1979 года в Фахи-Нехан (между Саме и Алас). Семь лиц - отец, мать и пять его детей в возрасте от 12 до 17 лет - были убиты за то, что они состояли в родстве с руководителем ФРЕТИЛИН лобато.

В тех случаях, когда пленных не убивают, их содержат в заключении в ужасных условиях. Согласно документу, подготовленному группой по иностранным делам австралийского парламента, опубликованному 8 марта 1978 года "в городе Дили в нечеловеческих условиях содержатся более 1 000 тиморских политических заключенных... их избивают, подвергают пыткам, лишают жизни и содержат в антисанитарных условиях в перенаселенных тюремных камерах".

В докладе, опубликованном в 1979 году Австралийским советом по правам человека указывается, что в Восточном Тиморе имеется около 40 тюрем. В своей петиции по вопросу о Восточном Тиморе, направленной в Организацию Объединенных Наций 14 октября 1980 года, Международная лига прав человека указывала, что условия содержания заключенных в тюрьмах являются исключительно плохими.

Имеется много свидетельств, указывающих на применение пыток, в частности, в петиции Лиги прав человека. Согласно заявлению австралийского дипломата Джимми Данна от 11 февраля 1979 года, которое он сделал после встречи с тиморскими беженцами в Португалии, в городе Дили существует центр пыток под командованием майора Юсмана, который располагается в отеле "Тропикаль".

Свидетельства, приведенные австралийским дипломатом Джиммом Данном в его сообщении от 11 февраля 1977 года, указывают также на факты систематического ограбления гражданских лиц и церковных учреждений. Свидетельства этих актов грабежа в ходе военных действий дают основание считать, что такие действия совершались, по крайней мере частично, при попустительстве старших офицеров, если не по их приказу. В этом отношении представляется целесообразным упомянуть о случаях, когда после вторжения практически все автомобили, тракторы и транспортные средства, находившиеся на острове, были погружены индонезийскими солдатами на суда. Большое число домов в Дили после предварительного выселения жителей были ограблены.

В связи со значительным сопротивлением, оказываемым ФРЕТИЛИН, Индонезия активизировала свои военные усилия, предприняв наступательные операции в сентябре 1977 года и вновь в мае 1978 года.

Именно с того момента начались массированные бомбардировки внутренней части острова, в результате которых были разрушены целые деревни. В уже упомянутом документе, подготовленном группой по иностранным делам австралийского парламента, отмечалось, что по заявлению одного индонезийского официального лица, сделанного в частном порядке, с лица земли в результате бомбардировок было стерто около 100 деревень и что на карте Восточного Тимора исчезли названия многих населенных пунктов".

Цель этих массированных бомбардировок заключалась в том, чтобы уничтожить население, которое оказывает поддержку ФРЕТИЛИН, а также лишить это население жилищ и вынудить его подчиниться строгому контролю со стороны индонезийских войск. С этой целью было создано 150 "переселенческих зон", где в 1979 году проживали под наблюдением, по заявлению помощника министра иностранных дел Холбрука, 200 000 лиц, а по заявлениям других - 300 000 лиц.

Систематическое разрушение жилищ и перемещение населения на равнины сопровождалось таким же систематическим и массовым уничтожением урожаев, с тем чтобы подавить в результате применения этих средств мятежное население горных районов.

Бомбардировки жилищ и уничтожение урожая являлись элементами стратегии, приведшей к переселению населения в вышеупомянутые так называемые "переселенческие зоны", в которых люди оторваны от своей традиционной социальной среды и обречены на голод. Эксперты отмечали, что переселенное население неизбежно будет зависеть от внешней продовольственной помощи, так как в переселенческих районах невозможно обеспечить достаточного уровня производства продуктов питания.

Разрушение древних производственных и социальных структур этой стратегии в ходе осуществления нанесло глубокий ущерб не только здоровью и физическому существованию мобе́рского народа, но и его социальной и культурной самобытности.

В том, что касается числа жертв войны, оккупации и стратегии голода, то точные данные собрать невозможно, поскольку индонезийские власти препятствуют свободному доступу во все районы Восточного Тимора. На основе многочисленных свидетельств возможным представилось сделать лишь приблизительные подсчеты. До вторжения население составляло 656 000 человек, причем с учетом числа жертв гражданской войны и беженцев.

В сообщении, поступившем от индонезийской церкви, с которым в конце 1976 года ознакомился австралийский дипломат Джим Данн, говорится, что уже в тот период насчитывалось 100 000 жертв агрессии и оккупации.

1 апреля 1977 года министр иностранных дел Индонезии г-н Малик сам предоставил австралийскому радио данные, согласно которым количество жертв составляет от 50 000 до 80 000 человек. По сведениям, предоставленным Джиму Данну индонезийскими официальным лицом высокого уровня, на конец 1980 года численность населения не превышала 400 000 человек.

В результате стратегии голода погибло большое количество людей. Кроме того, в докладе делегации МККК, которой в июле 1979 года было, наконец, позволено посетить Восточный Тимор и осмотреть население численностью в 75 000 человек в 13 деревнях, делается вывод о том, что 60 000 человек "в результате недоедания находятся в угрожающем состоянии, что для 20 000 из них смерть является неизбежной и что никакая помощь не может спасти их". Необходимо отметить, что членам делегации МККК не разрешили посетить наиболее пострадавшие районы, как и не разрешили посетить районы военных действий.

В некоторых заявлениях, и особенно в заявлении Джима Данна, делается вывод о том, что в ходе агрессии погибло от 1/6 до 1/3 населения Восточного Тимора.

B. Правовая сторона вопросаI. Опровержение доводов, приведенных для оправдания присутствия индонезийских войска) Историческая связь

За исключением географической связи между восточной и западной частями острова Тимор, правительство Индонезии не привело каких-либо доказательств существования до периода колонизации исторической связи между населением, проживавшим на этих двух частях острова Тимор, а тем более связи между Восточным Тимором и Индонезией I/.

Как Международный Суд, так и Постоянный трибунал народов в деле о Западной Сахаре отвергли утверждения о якобы имевшейся исторической связи между этой территорией и империей шерифов, а в данном случае с еще большими основаниями можно заявить, что между Индонезией и народом, проживающим в восточной части острова Тимор, никогда не существовало каких-либо исторических связей, которые бы могли оправдать включение этой территории в так называемое единое индонезийское государство. Кроме того, уже в упомянутом консультативном заключении от 11 ноября 1979 года Постоянный трибунал народов постановил, что "восстановление национального единства, которое существовало до периода колонизации, должно проходить при соблюдении основополагающего принципа деколонизации, а именно права на самоопределение" (№ 22).

б) Уважение границ, существовавших в колониальный период

В соответствии с принципом *uti possidetis*, восходящим к периоду деколонизации Латинской Америки, границы новых государств, возникших в результате национально-освободительной борьбы, соответствуют границам прежних колониальных владений. В свете этого принципа, который является выражением позитивного международного права и на который сама Индонезия ссылалась, чтобы получить все территории, которые составляли часть Нидерландской Ост-Индии, Индонезия не имеет права претендовать на территории, отошедшие к Португалии по договору, заключенному в Лиссабоне 20 апреля 1859 года между Голландией и Португалией, и в силу Гаагской конвенции от 1 октября 1904 года и соглашения об арбитражном разбирательстве, подписанного в Гааге 3 апреля 1913 года этими двумя государствами.

I/ См., в частности, P.D. Elliot, "The East Timor Dispute", 271 C.L.Q. (1978), 247 и ссылки.

с) Односторонние заявления, сделанные правительством Индонезии

На девятой сессии (1954 год) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в ходе прений в Первом комитете представитель Индонезии заявил:

"Индонезия является национальным политическим названием бывшей Нидерландской Ост-Индии, включая Западный Ириан ... Вопрос о том, есть ли у Западного Ириана какие-либо культурные связи с другими индонезийцами, к делу не относится ... границами этого государства (Индонезии) могут быть только границы прежней Нидерландской Ост-Индии, на территории которой национальное движение (за независимость) осуществляло свою власть".

Таким образом, представитель Индонезии проводит тезис о совпадении границ бывшей Нидерландской Ост-Индии и национальных границ Индонезии. Если следовать аргументации правительства Индонезии, то имеется некий элемент автоматизма при процессе передачи суверенитета, которая осуществляется совершенно независимо от всех культурных и этнических характеристик.

На пятнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи (1960 год) в ходе пленарного заседания представитель Индонезии заявил:

"Мы не заявляем о претензии на какую-либо другую часть индонезийского архипелага. Индонезия открыто заявляет, что она не претендует ни на какие территории, как, например, на Борнео или Тимор, которые, хотя и находятся в пределах индонезийского архипелага, но не составляют часть Нидерландской Ост-Индии".

Столь же решительная позиция была занята и на семнадцатой сессии (1962 год):

"Мы не только не предъявляли никаких территориальных претензий в прошлом, но мы также категорически заявляем, что не имеем намерения делать этого в будущем", отметила представитель Индонезии, г-жа Супени.

Из этого заявления со всей очевидностью явствует, что на португальский Тимор не выдвигается никаких территориальных претензий. Что может быть яснее.

20 декабря 1974 года Международный Суд в деле о ядерных испытаниях, проводимых Францией, в котором Австралия предъявила претензии к Франции, пришел к такому же выводу.

По мнению Суда, государство, которое действует подобным образом, "должно быть связано условиями такого заявления, которое придает его позиции характер юридического обязательства, и такое государство должно впредь придерживаться линии поведения, соответствующей его заявлению". (CIJ - 20 Décembre 74 - Affaire des Essais Nucléaires - Australie c. France, Recueil 1974 p. 267).

Кроме того, Суд заявил: "Обязательство подобного рода, приверженность которому была высказана официально, пусть даже вне рамок международных переговоров, имеет обязательную силу" (там же, стр. 267).

Разумеется, основная цель, которую преследовала Индонезия, делая это заявление, заключалась не в том, чтобы взять на себя обязательства в отношении будущего Тимора, а указать международному сообществу рамки своих территориальных претензий.

Очевидно, что это заявление было сделано для того, чтобы подчеркнуть обоснованность тезиса, согласно которому "Индонезия является национальным политическим названием бывшей Нидерландской Ост-Индии". (А 6 - девятая сессия - Первый комитет, 726-е заседание.)

Однако, раз уже Индонезия сделала подобное заявление об обоснованности этого тезиса, то ей следует в равной степени принять на себя и нежелательное для нее последствие того же самого заявления, то есть обязательство быть связанным им в будущем в соответствии с нормами ЭСТОППЕЛ.

Примерно в то же время, когда эти факты были представлены на рассмотрение Трибунала, 17 июня 1974 года г-н Адам Малик, министр иностранных дел Республики Индонезии, подтвердил в письме на имя г-на Хосе Мануэля Рамоса Орта, представителя АСДТ, что его правительство признает право народа Тимора на независимость и отказывается от всех территориальных претензий Индонезии к Восточному Тимору. (Cité par P. Hastings, "The Timor Problem I", Australian Outlook, vol. 29, No.1).

а) Вмешательство с целью восстановления мира и безопасности в восточной части острова Тимор

Согласно документу, подготовленному министерством иностранных дел Республики Индонезии в августе 1976 года ("Деколонизация Восточного Тимора") Палата представителей Индонезии 6 декабря 1975 года, то есть накануне вторжения, единогласно приняла резолюцию в отношении Восточного Тимора. В соответствии с этой резолюцией индонезийское правительство должно было "принять меры с целью восстановления мира и безопасности в этом районе, с тем чтобы предоставить населению Восточного Тимора возможность осуществить свое право на самоопределение в условиях свободы и правопорядка" (стр. 41 цитируемого документа).

Если даже согласиться с подобным представлением фактов, то есть с тем, что правительство Индонезии поддерживало различные меньшинства, с тем чтобы помочь им уничтожить ФРЕТИЛИН (см. также: "Деколонизация Восточного Тимора", министерство иностранных дел Республики Индонезии, август 1977 года, стр. 42-43), то положение, на которое ссылается правительство Индонезии следует рассматривать как гражданскую войну. А ведь современное международное право запрещает любое военное вмешательство какого-либо правительства в гражданскую войну даже в целях оказания поддержки существующему правительству. Военная агрессия Индонезии, которая преследовала совсем иную цель, напротив, явилась средством, с помощью которого она стремилась подорвать процесс деколонизации, проводимый управляющей державой, что повлекло за собой разрыв дипломатических отношений между правительством Португалии и правительством Индонезии.

е) Нежизнеспособность Демократической Республики Восточный Тимор

В ходе прений в Организации Объединенных Наций некоторые делегации поддержали позицию правительства Индонезии, выразив сомнения в отношении экономической жизнеспособности территории Восточный Тимор в том случае, если она получит независимость.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций обратила особое внимание на проблему "малых территорий".

В 1973 году Генеральная Ассамблея предложила (в резолюции 2908 - XXVII) Специальному комитету "по-прежнему уделять особое внимание малым территориям и рекомендовать Генеральной Ассамблее наиболее целесообразные методы, а также шаги, которые надлежит предпринять, чтобы дать населению этих территорий возможность в полной мере и незамедлительно воспользоваться своим правом на самоопределение и независимость".

Эта резолюция соответствует ранее принятой Генеральной Ассамблеей резолюции 2105 (XX) от 20 декабря 1965 года.

Вопрос, на который должна была дать ответ Генеральная Ассамблея, заключался в следующем:

"Рассматривала ли Организация Объединенных Наций принцип, в соответствии с которым народы вправе сами распоряжаться своей судьбой, принцип, который мы можем найти в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, как основной принцип, применимый к неуправляемым малым территориям?"

В целом ответ был утвердительным. Вместе с тем Организация Объединенных Наций признала, что "могут возникнуть трудности, в условиях, когда такая территория является слишком малой или изолированной, чтобы удовлетворять свои экономические потребности".

Однако это не помешало отдельным малым островам (например, Антильским островам, или некоторым островам в Индийском океане, как, например, Маврикию получить независимость после рассмотрения вопроса о них в Комитете по деколонизации Организации Объединенных Наций.

Что касается конкретного случая Восточного Тимора, то г-н Джеймс Дан, показания которого также были получены Трибуналом, заявил на тридцать пятой сессии Генеральной Ассамблеи:

"Восточный Тимор характеризуется как одна из самых слаборазвитых стран, которая никогда не сможет стать экономически жизнеспособной.

Территория, конечно, развита слабо, но благодаря все нарастающим усилиям в области образования во времена португальской колониальной администрации, к 1974 году она имела достаточную прослойку образованных людей, чтобы построить основу для самоуправления.

Страна сама по себе освоена слабо, но благодаря своим богатым горным долинам, обширным равнинам, где начинает развиваться сельское хозяйство, Восточный Тимор смог бы полностью обеспечить себя продовольствием и даже иметь благоприятные перспективы на экспорт. Наиболее благоприятные перспективы открываются для разработки запасов нефти и металлов (...)

Вполне возможно, что через 5 лет после деколонизации Восточный Тимор добьется наибольшего успеха в послевоенной истории деколонизации (...)"

f) Осуществление права на самоопределение путем присоединения к Индонезии

В своем консультативном заключении по Западной Сахаре Постоянный трибунал народов привел цитату из заключения Международного Суда на эту же тему, навеянную резолюцией I54I (XV) Генеральной Ассамблеи, чтобы указать следующие основные пути достижения несамоуправляемыми территориями полной автономии:

- "а. стать независимым и суверенным государством;
 - б. вступить в свободную ассоциацию с независимым государством;
 - с. присоединиться к независимому государству".
- (консультативное заключение от 11 ноября 1979 года № I5)

Правительство Индонезии желало представить присоединение Восточного Тимора к Республике Индонезии, которое произошло 17 июля 1976 года, как результат осуществления народом Тимора своего права на самоопределение.

"Воля народа Восточного Тимора осуществилась, процесс деколонизации завершен, право на самоопределение осуществлено в соответствии с условиями, определенными самим населением, и в соответствии с его традиционной системой". ("Деколонизация Восточного Тимора", документ министерства иностранных дел Республики Индонезии, август 1976 года).

Как ясно подчеркнул Международный Суд в своем заключении в отношении Западной Сахары именно народ должен определять судьбу своей территории, а не территория — судьбу народа. Какие бы исторические выкладки ни приводились, именно свободный выбор народа является решающим фактором в деле самоопределения.

По заявлению правительства Индонезии, этот свободный выбор был якобы сделан путем представления петиции о присоединении "представительной народной Ассамблеей", созданной 31 мая 1976 года "временным правительством", которое было насаждено после индонезийской агрессии.

Однако, как явствует из резолюции I54I (XV) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 15 декабря 1960 года, слияние должно быть результатом свободного вероизъявления народа данной территории. Этого не произошло на Тиморе: петиция, о которой говорилось выше, была составлена политическими организациями, действовавшими в изгнании, не имевшими опоры в Восточном Тиморе и не пользовавшимися никакой поддержкой, кроме поддержки со стороны Индонезии.

Это слияние представляется односторонним актом со стороны оккупирующей державы и должно быть таким образом осуждено, поскольку оно было осуществлено путем запрещенного пунктом 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций применения силы, тем более достойного осуждения, что оно лишило народ его прав на самоопределение.

2. Определение индонезийской агрессии

После прекращения португальского управления (28 апреля 1975 года) Фретилин, представляющий народ Восточного Тимора и контролировавший всю территорию бывшей португальской колонии, провозгласил Декларацию независимости и создание Демократической Республики Восточный Тимор (28 ноября 1975 года). То обстоятельство, что индонезийское вторжение, начавшееся 7 декабря 1975 года нападением на столицу Дили, помешало новому государству установить свою дееспособность, не может быть использовано для отрицания государственности Республики Восточный Тимор в момент совершения агрессии. Оккупация территории индонезийской армией лишь постепенно разрушила структуры, созданные новым государством.

Даже если это государство сегодня частично утратило ту дееспособность, которой оно обладало в первые годы после своего создания, то этот факт объясняется разрушительной агрессией, в которой виновно само индонезийское правительство, и не может быть использован для оправдания совершенной агрессии.

Настоящий Трибунал не считает, что имеется две альтернативы, вынуждающие делать выбор, — с целью объявления действенными нормы права — между принципом дееспособности, учитывая соблюдение населением предписанных ему норм поведения, а также контроль, осуществляемый правительством на всей национальной территории, и принципом правоспособности, имея в виду гипотезу, в которой норме придается значение конструктивного элемента. Мнение Трибунала состоит в том, что рассмотрение исключительно правоспособности и оставление в стороне дееспособности может привести к провозглашению действенными так называемых юридических форм, которые, не вписываясь в рамки дееспособного поведения населения, представляют собой всего лишь "мертвую букву"; тогда как, с другой стороны, одно лишь рассмотрение дееспособности, упуская из виду значение, которое объекты юридических норм добровольно ей придают, может выразиться в признании действенными норм, навязанных населению страхом, вызванным постоянными и систематическими нарушениями прав человека, важность которых в современном международном праве не нуждается в доказательстве. В данном случае юридический режим, закрепленный в Декларации независимости Демократической Республики Восточный Тимор 28 ноября 1975 года, установлен юридическими нормами, которые большинство населения этой страны добровольно признало с самого начала в качестве действенных, что означает дееспособность, которую нельзя ставить под сомнение.

После индонезийского вторжения сопротивление со стороны Фретилин по отношению к новым структурам, навязанным вторгшимися силами, является достаточным доказательством того, что эти структуры не являлись действенными и что по этой причине население Восточного Тимора им не повиновалось.

Кроме того, необходимо также учитывать еще одну отличительную черту индонезийской агрессии: даже если государственность Демократической Республики Восточный Тимор считать непрочной, то агрессию еще в большей степени следует рассматривать в качестве посягательства на основное право народа на самоопределение при отягчающих обстоятельствах, заключавшихся в том, что народ осуществлял процесс деколонизации.

3. О нарушениях законов ведения войны и геноциде

Индонезийское правительство не только совершило в отношении Восточного Тимора преступление агрессии с точки зрения международного права, но оно также вело войну против молодой республики вопреки самым элементарным нормам гуманитарного права в отношении ведения войны и управляло оккупированными территориями вопреки основным принципам Всеобщей декларации прав человека.

Его поведение вполне определено может быть охарактеризовано как геноцид, преступление в отношении прав людей, которое определено международной Конвенцией от 9 декабря 1948 года.

а) О ведении войны:

Гуманные законы ведения войны представляют собой совокупность норм, которые стороны, участвующие в конфликте, обязаны уважать в отношении как комбатантов, так и гражданского населения. Эти нормы содержатся в различных договорах и конвенциях, главными из которых являются Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов о законах и обычаях ведения войны, Женевские конвенции от 12 августа 1949 года, дополненные Дополнительными протоколами 1977 года.

В пункте 4 статьи 1 Дополнительного протокола 1 от 1977 года приводится следующее описание случаев применимости Женевских конвенций:

"Ситуации, упомянутые в предшествующем пункте, включают вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций..."

Здесь неуместно подробно излагать гуманные законы ведения войны. Они действуют в трех основных направлениях: вооружения и средства ведения войны, военнопленные и гражданское население, не относящиеся к числу комбатантов.

В контексте вопроса об обращении с военнопленными и гражданским населением было бы весьма уместно рассмотреть поведение индонезийских властей в ходе ведения войны.

Согласно Женевским конвенциям, военнопленные должны подвергаться гуманному обращению и интернироваться до окончания военных действий в условиях, регламентированных и контролируемых, в частности, Международным Красным Крестом.

Ничего этого не существует на Восточном Тиморе. Отсутствует какая-либо информация о военнопленных, которых должны посещать представители Красного Креста или какой-либо другой нейтральной организации. Пленных казнят в момент захвата или содержат в ужасных условиях.

Что касается гражданского населения, то, согласно гуманным законам ведения войны, его необходимо защищать от всякого рода страданий, не вызванных исключительной военной необходимостью, и прежде всего от массовых и беспорядочных бомбардировок, а также от голода, вызываемого, в частности, нарушением снабжения.

Однако все свидетельские показания, собранные в документации, представленной Трибуналу, совпадают и позволяют утверждать, что многочисленные деревни систематически разрушаются бомбардировками, приводящими к гибели значительной части населения.

Что касается разграбления экономики и переселения населения, численность которого уменьшается в результате голода, то это в равной степени подтверждено во многих источниках.

в) Об управлении оккупированными территориями:

Сегодня признается, что основные принципы Всеобщей декларации прав человека 1948 года, дополненной двумя Международными пактами 1966 года, порождают у государств обязательства по отношению к международному сообществу.

Однако очевидно, что оккупация Восточного Тимора индонезийскими властями совершена в нарушение всех основных общественных свобод и прав человека, провозглашенных в вышеупомянутых документах.

Едва ли нужно указывать, что основные свободы - свобода передвижения, свобода слова, свобода ассоциаций и собраний - просто-напросто были упразднены.

/...

Что касается положений о безопасности личности, запрещающих произвольные аресты и предоставляющих каждому право на осуществляемый в соответствии с правилами открытый судебный процесс, в котором гарантировано право на защиту, то также очевидно, что они полностью были подвергнуты надругательству.

Нет ни одной статьи Всеобщей декларации и Международных пактов, которая бы ежедневно и систематически не нарушалась индонезийскими властями де-факто на Восточном Тиморе.

с) О геноциде

Трибуналу представляется, что многие авторитетные голоса вполне обоснованно обвиняли индонезийское правительство в совершении на Восточном Тиморе геноцида в отношении народа мобере.

Геноцид является преступлением против прав человека, которое определяется в Конвенции 1948 года, где предусматривается его предупреждение и наказание за него.

Для существования геноцида недостаточно, чтобы имели место массовые убийства, нарушения неприкосновенности личности, депортации и т.д. Необходимо, как предусмотрено Конвенцией, чтобы эти акты совершались "с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую". В отношении Восточного Тимора Трибуналу известны многочисленные случаи убийств, когда жертвами были его граждане. Также, благодаря всем представленным ему доказательствам, известно намерение уничтожить национальную и культурную самобытность народа мобере. Именно "как таковую" ее и хотят уничтожить.

Сочетание физических убийств и уничтожение культуры неоспоримо подтверждает, что речь идет о геноциде.

Намерение индонезийских властей состоит не только в уничтожении национальной и культурной самобытности народа мобере, но также и в том, чтобы вынудить его с помощью варварских методов, о которых мы говорили, насильственно ассимилироваться с индонезийским народом.

Трибунал считает, что следует осудить индонезийские власти за преступление геноцида, предварительно осудив его за преступление агрессии.

II. О ПОЗИЦИИ ДРУГИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

A. Правительство Соединенных Штатов

1. Общие соображения

Индонезийская агрессия в отношении Тимора вызвала серьезные и вопиющие нарушения самых элементарных принципов, которые определяют международные отношения, подняла проблему ответственности других правительств и, в частности, тех, которые имеют значительные интересы в этом регионе.

Фактически, в мире, в котором доминирует взаимозависимость стран и политика блоков, и в регионе, в котором отношения между странами отмечены тесной сетью военных союзов и соглашений, интервенция Индонезии не может рассматриваться в качестве результата изолированного решения правительства этой страны. Таким образом, прежде всего возникает вопрос о роли, которую играют Соединенные Штаты, имеющие мощные экономические позиции и пользующиеся влиянием в этом регионе. Уже начиная с 1945 года в соответствии с курсом, который начал осуществляться еще в начале столетия, политические деятели и деловые люди Соединенных Штатов рассматривали Юго-Восточную Азию в качестве важного источника сырьевых материалов, а также дешевой рабочей силы. Кроме того, североамериканские военные руководители придают ей первостепенное значение в рамках глобальной стратегии противостояния востока и запада.

Следуя этой логике, предусматривающей захват богатств Юго-Восточной Азии, создание в ней антикоммунистических союзов, поддержание на самом низком уровне цен на сырьевые материалы, контроль над морскими стратегическими путями, а также другие военные цели, можно оказывать помощь французскому колониальному режиму в Индокитае, а впоследствии быть вовлеченным в события во Вьетнаме и в деятельность по свержению режима Сукарно в Индонезии.

После свержения Сукарно Индонезия стала своего рода острием в североамериканской стратегии в Юго-Восточной Азии, и американское правительство всегда представляло новому военному режиму значительное военное снаряжение, а также значительную экономическую помощь. Кроме того оно обеспечило подготовку офицеров и кадров индонезийской полиции для того, чтобы быть в состоянии положиться на преданный и компетентный административный персонал.

В период с 1967 по 1974 год Вашингтон предоставил Джакарте 1,5 млрд. долл. США в форме экономической помощи и 94 млн. долл. США в форме военной помощи.

Политические связи между обеими странами укреплялись и в этом контексте трудно себе представить, чтобы решение об индонезийской агрессии на Восточном Тиморе было принято без одобрения Соединенных Штатов. Это предположение общего порядка подтверждено рядом конкретных фактов, представленных Трибуналу.

2. Усиление двусторонних связей

Двусторонние связи между Соединенными Штатами и Индонезией усиливались по мере того, как приближалась дата вторжения в Восточный Тимор.

В июле 1975 года президент Сухарто совершил пятичасовой визит в Вашингтон и получил заверения президента Форда в том, что Соединенные Штаты имеют твердое намерение предоставить Индонезии военную помощь. После этого визита Сухарто впервые публично заявил, что он выступает против независимости Восточного Тимора.

Визит одной индонезийской делегации в Соединенные Штаты, который проходил с 14 по 23 октября 1975 года, является особенно важным. Главой делегации был генерал-майор Али Муртопо, заместитель начальника секретной службы президента Сухарто, который до последнего времени играл решающую роль в планах вторжения в Восточный Тимор и который в настоящее время является министром информации.

Наконец, 6 декабря 1975 года президент Форд и государственный секретарь Киссинджер были приняты в Джакарте. 7 декабря, через 12 часов после этой встречи, началась агрессия.

В сообщении, опубликованном в тот же день 7 декабря газетой "Лос-Анджелес таймс", сообщалось о заявлении Киссинджера для прессы в Джакарте. Согласно этому сообщению, Киссинджер якобы подтвердил, что Соединенные Штаты не признают Демократическую Республику Восточный Тимор и что они "относятся с пониманием к позиции Индонезии в данном вопросе".

3. Расширение военной помощи

Участие Соединенных Штатов в агрессии в Восточном Тиморе еще лучше доказывается изучением данных, которые в количественном и качественном отношении характеризуют американскую военную помощь Индонезии, военная мощь которой почти полностью зависит от Соединенных Штатов. Судя по всему, эта помощь значительно возросла во второй половине 1975 года, когда после падения режима Лон Нола в Камбодже президент Форд решил передать Индонезии часть - размеры которой никогда не были раскрыты - суммы в 475 млн. долл. США из чрезвычайного фонда, предназначенного для Камбоджи.

Также Соединенные Штаты предоставили индонезийскому правительству в 1975 году военную помощь, превысившую на 450 процентов помощь, предоставленную в предыдущем году. Предоставленное снаряжение было предназначено для Восточного Тимора и, в частности, включало 16 противопартизанских самолетов OV-10, 45 бронетранспортеров V-150 и 3 транспортных самолета C-130.

Согласно одному американскому военному источнику (адмирал Ла Рок), "самолет Рокуэл OV-10 особенно важен для индонезийцев. Этот самолет, который перемещается медленно, особенно подходит для операций против партизан, при которых противник не имеет противовоздушной обороны" и "бронетранспортеры V-150 ... являются очень эффективными при ведении операций против партизан или противника, имеющего лишь легкое вооружение".

В 1976 году американская военная помощь еще более возросла и достигла 54 млн. долл. США. Этот рост продолжался в последующие годы, и, согласно министерству обороны Соединенных Штатов, военная помощь, предоставленная Индонезии со времени агрессии против Восточного Тимора до 1979 года, превысила 250 млн. долл. США. (Американское министерство обороны, продажа военного снаряжения за границу и предоставление военной помощи, Вашингтон, декабрь 1979 года).

Благодаря исключительно этой массированной помощи индонезийская армия, которая в течение всего 1976 года и в течение значительной части 1977 года контролировала лишь столицу Дили и пригородную зону, предприняла успешное военное наступление на всей территории Восточного Тимора и смогла осуществить преследование в горах более 200 000 тиморцев в рамках операции "Поиск и уничтожение", о чем газета "Нью-Йорк таймс" сообщила 19 апреля 1978 года.

Эти операции совершались с помощью четырех самолетов "Скайхок" и вертолетов "Белл", предоставленных Соединенными Штатами в 1977-1978 годах; их результатом было полное уничтожение урожая и всех запасов продовольствия. Они вызвали голод сотен тысяч жителей Тимора.

Следует подчеркнуть, что большая часть снаряжения была предоставлена Индонезии в результате договоренности, достигнутой вице-президентом Соединенных Штатов Мондейлом в ходе его визита в Индонезию в конце 1977 года.

4. Дипломатическая поддержка и пропаганда в пользу Индонезии

На дипломатическом фронте правительство Соединенных Штатов развернуло интенсивную кампанию в поддержку индонезийской агрессии. Начиная с прений, предшествовавших постановке на голосование резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 1 декабря 1976 года, призывающей к выводу индонезийских войск с территории

Восточного Тимора, Соединенные Штаты полностью поддержали позицию Индонезии и систематически голосовали против всех резолюций в пользу самоопределения и независимости Восточного Тимора.

В соответствии с этой позицией представители правительства Соединенных Штатов всегда пытались приуменьшить значение проблемы Восточного Тимора, заявляя во многих случаях, что эта страна является частью Индонезии и что проблема состоит не в рассмотрении того, были ли "нарушены нормы международного поведения или международные принципы", а в признании свершившегося факта, и что Соединенные Штаты "с политической точки зрения признали аннексию Восточного Тимора и законность осуществления суверенитета индонезийским правительством" (Джордж Х.Олдрич - слушание, июнь-июль 1977 года).

Кроме того, представитель американского правительства постоянно делал заявления с целью отвлечь внимание американской общественности от ответственности Индонезии, относя потери человеческих жизней за счет вооруженного конфликта между ФРЕТИЛИН и УДТ и храня полное молчание об уничтожении деревень и культуры, о массовых убийствах, насильственном перемещении сотен тысяч людей, о бедствиях населения, вызванных военными кампаниями 1977-1978 годов.

Следует отметить, что посол Соединенных Штатов в Индонезии посетил Восточный Тимор в сентябре 1978 года.

По мнению Трибунала, совокупность этих элементов, дающих однозначные и согласованные свидетельства, указывает на то, что правительство Соединенных Штатов поощряло и поддерживало индонезийскую агрессию против Восточного Тимора.

5. Доводы, приведенные Соединенными Штатами в обоснование поддержки агрессии Индонезии

Позиция США по отношению к Восточному Тимору вытекает из внешней политики этой страны, которая систематически ставит требования и права всех других народов в зависимость от интересов своей империалистической политики. В том, что касается Восточного Тимора, то образование свободного и независимого государства в этом районе мира представляется для Соединенных Штатов опасным по причинам стратегического, политического и идеологического характера.

Восточный Тимор имеет ключевое стратегическое значение в силу его географического положения. По существу, кратчайший путь, связывающий две военно-морские базы США на Гуаме и на острове Диего-Гарсия, проходит через Зондский пролив, контролируемый силами, находящимися у власти в Восточном Тиморе.

Помимо этих причин стратегического и военного характера, Соединенные Штаты не могут мириться с тем, чтобы какая-либо страна в этом районе мира могла независимо решать свою собственную судьбу без учета империалистических интересов, вне контроля со стороны Соединенных Штатов и их жандармов на местах; Соединенные Штаты не могут мириться с существованием независимого государства с социально-экономическим строем, отличающимся от того строя, который западный империализм навязывает или стремится навязать развивающимся странам.

Ясно, что такое государство, каким бы малым, бедным, миролюбивым и безоружным оно ни было, может представлять собой взрывчатый элемент, который приведет к развалу системы империалистического господства, поскольку оно может стать примером для десятков миллионов людей, которые составляют эксплуатируемое и потенциально мятежное население стран третьего мира и, в частности, данного района мира.

Первой страной, которой грозит такая реальность, может явиться Индонезия, в которой джакартские генералы угнетают широкие массы сельского населения. Установление вблизи от ее границ отличного образа жизни и иных человеческих отношений неизбежно вызовет соответствующие отклики не только в Азии, но и в Африке и Латинской Америке, вплоть до границ Соединенных Штатов.

С этой точки зрения тезис о коммунистической угрозе и опасности дестабилизации, которую представляет собой свободный Восточный Тимор, аналогичен тезису, выдвигаемому правительством Соединенных Штатов в том, что касается Сальвадора. Ибо на языке американской дипломатии коммунистическим является все то, что может поставить под угрозу господство империализма над этими народами, и все то, что может привести к прорывам в системе господства Соединенных Штатов.

Парадоксально, но малые размеры Восточного Тимора и его географическая отдаленность укрепляют взрывной потенциал того, чем может стать свободное государство в этой части мира. Это демонстрирует, что империалистические замыслы не являются неуязвимыми и что надежды и чаяния значительной части человечества могут воплотиться в конкретную действительность даже в самых трудных ситуациях и при весьма значительной изоляции от сил антиимпериалистической солидарности.

Тезис об экономической нежизнеспособности Восточного Тимора отражает, с одной стороны, идею культурного империализма, которая строится на мифе тоталитарного индустриализма; с другой стороны, она отражает страх перед тем, что успешное осуществление оригинальных идей вне рамок, определенных империализмом, может представлять собой нетерпимый вызов насаждаемой им модели.

B. Правительство Австралии

Вышеизложенные соображения в достаточной степени резъясняют мотивы участия Соединенных Штатов в агрессии на Восточном Тиморе и также проливают свет на позицию по отношению к трагедии моберского народа всех стран, которые поддерживают североамериканский империализм. Среди них в первую очередь следует упомянуть Австралию, которая в силу своего географического положения непосредственно заинтересована в положении на Восточном Тиморе. Доклады, представленные Трибуналу, свидетельствуют о том, что Австралия предоставила Индонезии со времени вторжения на Тимор военную помощь на сумму в 35 млн. долл. США. Никаких гарантий в отношении использования этой помощи затребовано не было. Те же самые доклады свидетельствуют о том, что неизменным элементом внешней политики Австралии является поиск установления более тесного союза с режимом Джакарты.

Так, в начале 1973 года премьер-министр Австралии, в то время лейборист Гоф Уитлем, заявил в отношении Индонезии: "Будущее наших двух стран связано навсегда, и наши отношения станут решающим фактором в определении судьбы нашего региона вплоть до конца этого столетия" (Hyde, *The Asian Connection*, p. 61).

Тот же Уитлем в 1975 году отклонил предложение Португалии, касающееся проведения Австралией встречи враждующих сторон в целях разрешения конфликта, причем это было сделано несмотря на оппозицию со стороны департамента иностранных дел его правительства и значительной части австралийской общественности.

Той же политической линии придерживалось и правительство либеральной партии, которое пришло на смену правительству, сформированному лейбористской партией. По существу в январе 1978 года премьер-министр Малькольм Фрейзер де-факто признал аннексию Восточного Тимора Индонезией. Спустя двенадцать месяцев это же самое правительство начало переговоры с Индонезией с целью определения морской границы между Восточным Тимором и Австралией, что подразумевает признание де-юре суверенитета Индонезии над Восточным Тимором, на который она претендует.

C. Правительства, входящие в МПГУ

Трибунал также рассмотрел позицию других правительств, интересы которых в данном регионе носят менее непосредственный характер, но которые имеют косвенное отношение к агрессии Индонезии. В частности, речь идет о правительствах следующих стран: Японии, Франции, Нидерландов, Федеративной Республики Германии, Австрии, Новой Зеландии, Канады, Великобритании, Бельгии, Италии, Дании и Швейцарии, являющихся вместе с Соединенными Штатами Америки и Австралией, а также Всемирным банком и Азиатским банком развития членами Межправительственной группы

по Индонезии (МПГИ), которые уже в течение шестнадцати лет предоставляют правительству Индонезии финансовую помощь на сумму приблизительно в 2 млрд. долл. США ежегодно в виде займов под проценты.

Эти займы специально предназначаются для осуществлению социальных проектов по борьбе с нищетой и недоеданием. На практике же эти проекты осуществлены не были, и сельские массы Индонезии продолжают вести существование на уровне ниже уровня выживания. Кроме этого, в течение нескольких лет торговля Индонезии с иностранными государствами осуществлялась с активным сальдо, таким, что, по заявлениям экспертов, появилась возможность выделять по меньшей мере 6 млрд. долл. США в год на развитие страны. Эта возможность, а также то, что в результате помощи МПГИ внешний долг Индонезии в настоящее время достиг приблизительно 23 млрд. долл. США, вынудили экспертов Всемирного банка заняться вопросами эффективности этой формы помощи, которая в действительности, по всей видимости, используется в особенности для укрепления военной мощи Индонезии за счет закупок новейшего военного оборудования.

Даже если невозможно утверждать, что помощь, оказываемая МПГИ, непосредственно использовалась правительством Индонезии в ее агрессии против Восточного Тимора, нет никаких сомнений в том, что косвенным образом эта помощь значительно содействовала осуществлению этой агрессии. Во-первых, она расширила возможности закупки военного оборудования правительством Индонезии и, во-вторых, способствовала установлению связей между индонезийским режимом и отраслями промышленности стран-членов МПГИ.

Эти отрасли промышленности зачастую, несмотря на соответствующее национальное законодательство, запрещающее экспорт оружия, получают необходимые экспортные лицензии. Так, например, правительство Великобритании разрешило экспорт самолетов "Хок", Австралии - самолетов "Номад" и автомобилей типа "Лэндровер" для ведения антипартизанской войны, Франция продала вертолеты, а ФРГ - подводные лодки, в то время как правительство Нидерландов санкционировало продажу самолетов "Фоккер" для переброски войск на Восточный Тимор. Недавно Нидерланды объявили о заключении новых контрактов о продаже самолетов.

Однако первым поставщиком по-прежнему являются Соединенные Штаты, их авиационная промышленность и, в более общем плане, - военно-промышленный комплекс США. Так, например, создается впечатление, что крупный заем Всемирного банка, предназначенный для переселения крестьян с перенаселенного острова Ява на периферийные острова, в значительной мере использовался для закупки самолетов "Локхид Геркулес С-130", предназначенных для транспортировки войск.

Агрессивная политика Индонезии является не только той ценой, которую платит империализм за поддержание статуса-кво в этом регионе, но и становится составной частью системы, непосредственно вливаясь в экономическую систему, которая содействует ее осуществлению и развитию.

Основную озабоченность у членов МПГИ вызывают вопросы функционирования экономики, развития отраслей промышленности и повышения уровня занятости. Это разъясняет то, почему те же самые правительства, многие из которых воздержались во время голосования резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в отношении Восточного Тимора, и в первую очередь правительство Нидерландов, которое является председателем ежегодной конференции, не стремятся поднимать эту проблему на ежегодных сессиях Генеральной Ассамблеи МПГИ и не ставят предварительным условием для продолжения финансовой помощи прекращение агрессии. Другими словами, проблема уничтожения моберского народа отодвигается на второй план по сравнению с деловыми потребностями.

В связи с этим представляется, что кризис международного права и принципов Устава Организации Объединенных Наций тесно связан с экономической системой, движущей силой которой является североамериканский империализм, иными словами, бастион, препятствующий другим странам в том, чтобы они шли к новому международному порядку иными путями.

С учетом такого положения все страны мира должны выступить против уничтожения моберского народа, что особенно относится к промышленно развитым странам, от которых необходимо потребовать не только изложения четкой позиции в политическом и дипломатическом плане, но и изложения последовательных позиций в международных экономических организациях, таких как МПГИ, Всемирный банк, МВФ, и в целом во всех организациях, в которых наблюдается господство интересов империализма над интересами народов, стремящихся полностью утвердить свое право на самоопределение.

Д. Правительство Португалии

Особая обязанность ложится на Португалию, которая в качестве бывшей колониальной державы несла основную ответственность за осуществление права тиморского народа на самоопределение, ответственность, которую она торжественно признала в своем законе № 7/75 от 27 июля 1975 года и в статье 307 своей новой конституции, где говорится: "Португалия, в соответствии с международным правом соблюдает свои обязательства по содействию и гарантированию права Восточного Тимора на независимость".

Постановляющая часть

Трибунал,

- принимая во внимание, что применение силы в международных отношениях представляет собой серьезное нарушение норм международного права и угрозу миру;

- принимая во внимание неотъемлемое право народа Восточного Тимора на самоопределение;
- принимая во внимание, что с 7 декабря 1975 года индонезийские войска значительно углубились на территорию Демократической Республики Восточный Тимор;
- принимая во внимание серьезные нарушения гуманитарного права в периоды вооруженных конфликтов, совершенные индонезийскими войсками, и постоянные нарушения оккупационными властями прав человека;
- принимая во внимание, что налицо материальный (убийства, депортация, организованный голод и т.д.) и предумышленный (искоренение национальной индивидуальности и насильственная ассимиляция) характер преступления геноцида по отношению к моберскому народу;

ПОСТАНОВЛЯЕТ, ЧТО

- проникновение и сохранение индонезийских войск на территории Демократической Республики Восточный Тимор является в соответствии с международным правом агрессией, запрещенной в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, в соответствии с определением, содержащимся в резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций;
- правительство Индонезии несет ответственность за преступление против международного мира и в соответствии с определением агрессивной войны, содержащимся в резолюциях 3314 (XXIX) и 2625 (XXI) Генеральной Ассамблеи, эта агрессия влечет за собой международную ответственность;
- правительство Индонезии несет ответственность перед моберским народом Восточного Тимора за нарушение статьи 5 Всеобщей декларации прав человека в том, что касается права на самоопределение;
- правительство Индонезии в результате серьезных и неоднократных нарушений законов и обычаев войны несет ответственность за военные преступления;
- правительство Индонезии, совершив ряд серьезных преднамеренных актов в целях частичного или полного уничтожения национальной группы, а именно моберского народа, виновно в преступлении геноцида;
- правительство Соединенных Штатов, оказывая правительству Индонезии решающую помощь и поддержку, несет ответственность за пособничество агрессии;

- любое правительство или организация, которая оказывает помощь и поддержку правительству Индонезии, несет ответственность за пособничество агрессии. Иными словами, любое правительство или организация, которые оказывают помощь или поддержку Восточному Тимору, являющемуся жертвой агрессии, лишь выполняют свой международный долг.
